

Оригинальная статья

УДК 1.11.115

<http://doi.org/10.32603/2412-8562-2023-9-2-22-34>

О темпорализации отчаяния в экзистенциальной философии и в поэзии имажинизма

Наталья Викторовна Серова

*Государственный морской университет имени адмирала Ф. Ф. Ушакова, Новороссийск, Россия,
nvserova72@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4670-8242>*

Введение. Трагические времена испытаний начала XX в. мотивировали философов-экзистенциалистов и поэтов-имажинистов к поиску темпорального значения отчаяния в жизни людей. Осмысляя природу отчаяния, философы приходят к выводу о его зарождении в душе в момент подчинения человеческой темпоральности объективному времени как причине неизбежных потерь. Освобождение от его власти начинается с обращения человека к ценностному содержанию собственной темпоральности. Слово-образ связывает отчаяние с настоящим мгновением времени в составе человеческой темпоральности и вне объективного времени. Выявляя особенности темпорализации отчаяния в поэзии имажинистов, автор предполагает, что слово-образ изменяет экзистенциальную установку отчаявшегося человека, придавая ценность его темпоральной экзистенции.

Методология и источники. Методологической основой работы являются герменевтический подход в осмыслении понятия «отчаяние», концептуальный анализ термина «слово-образ», метод компонентного анализа языковых единиц с темпоральным значением и сравнительный анализ интерпретаций темпорализации отчаяния в философии экзистенциалистов и в поэзии имажинистов.

Результаты и обсуждение. Результатами изучения проблемы темпорализации отчаяния стали следующие выводы: во-первых, отчаяние может быть следствием вовлечения надеющегося человека в объективное время и частью субъективного времени отчаявшегося человека; во-вторых, отчаяние ведет человека не только к утрате, но и к поиску ценностей в противостоянии объективного и субъективного времен; в-третьих, в философии темпорализация отчаяния понимается как переход от временного переживания к вневременному понятию, а в поэзии выражается вневременностью самого переживания; в-четвертых, в философии смысл отчаяния раскрывается во временной последовательности потерь, а в поэзии слово-образ кладет предел потерям, что возвращает отчаявшегося человека к ценностям и способствует коррекции его темпоральной экзистенции.

Заключение. В техногенную эпоху сфера действия объективного времени расширяется и подчиняет своим ритмам темпоральность человека, приводя его к отчаянию. Экзистенциалисты рассматривают темпорализацию как способ выявления подлинного смысла отчаяния, а имажинисты применяют ее, чтобы человек иначе пережил это чувство и по-иному выстроил свою темпоральную экзистенцию.

Ключевые слова: человек, темпорализация отчаяния, философы-экзистенциалисты, поэты-имажинисты, слово-образ, объективное время

Для цитирования: Серова Н. В. О темпорализации отчаяния в экзистенциальной философии и в поэзии имажинизма // ДИСКУРС. 2023. Т. 9, № 2. С. 22–34. DOI: 10.32603/2412-8562-2023-9-2-22-34.

© Серова Н. В., 2023

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Original paper

Existential Philosophy and Poetry Imaginism about the Temporalization of Despair

Natalya V. Serova

*Admiral Ushakov Maritime State University, Novorossiysk, Russia,
nvserova72@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4670-8242>*

Introduction. The tragic times of trials at the beginning of the 20th century motivated existentialist philosophers and imaginists poets to search for the temporal meaning of despair in people's lives. Philosophers comprehended the nature of despair, and came to the conclusion about its origin in person's soul at the moment of subordination of human temporality to objective time as the cause of inevitable losses. Liberation from its power begins with the person's turn to the value content of their own temporality. The word-image connects despair with the present moment of time as part of human temporality and outside of objective time. Revealing the features of the temporalization of despair in imaginists poetry, the author suggests that the word-image changes the existential attitude of a desperate person, giving value to their temporal existence.

Methodology and sources. The methodological basis of the work is a hermeneutic approach to understanding the concept of "despair", a conceptual analysis of the term "word-image", a method of component analysis of language units with temporal meaning and a comparative analysis of the interpretations of the temporalization of despair in existentialist philosophy and imaginist poetry.

Results and discussion. The results of studying the problem of the temporalization of despair are the following conclusions. Firstly, despair may be a consequence of the involvement of a person who hopes, into objective time or part of the subjective time of a desperate person. Secondly, despair may lead a person not only to losses, but also to the search for values in the confrontation of objective and subjective times. Thirdly, the temporalization of despair is understood as a transition from a temporary experience to a timeless concept in philosophy and is expressed by the timelessness of this experience in poetry. Fourth, in philosophy the meaning of despair is revealed in the temporal sequence of losses, and the word-image puts a limit to losses in poetry, which returns a desperate person to values and contributes to the correction of their temporal existence.

Conclusion. The scope of objective time expands in the technogenic epoch and subordinates a person's temporality to its rhythms, leading them to despair. Existentialists consider temporalization as a way to reveal the true meaning of despair, and imaginists use it so that a person experiences this feeling differently and builds their temporal existence in a different way.

Keywords: person, temporalization of despair, existentialist philosophers, imaginist poets, word-image, objective time

For citation: Serova, N.V. (2023), "Existential Philosophy and Poetry Imaginism about the Temporalization of Despair", *DISCOURSE*, vol. 9, no. 2, pp. 22–34. DOI: 10.32603/2412-8562-2023-9-2-22-34 (Russia).

Введение. В трагические времена испытаний отчаяние завладевает человеком, пытающимся выстоять перед ударами судьбы. Видя его бедственное положение, философы-экзистенциалисты выявляют причины и последствия отчаяния, а поэты-имажинисты описывают то, как его порождают потери, разлуки, неудачи и как надежда спасает от него. Они

видят выход из фатальной для человека ситуации в слове: философский термин раскрывает природу отчаяния, а поэтическое слово помогает пережить его по-иному. Подобным воздействием обладает слово-образ, в котором представители имажинизма видели не только средство выражения мысли, но и самостоятельную цель поэзии [1, с. 113]. Особенностью темпорализации отчаяния посредством слова-образа является то, что оно соотносится с настоящим моментом субъективного времени.

Актуальность проблемы темпорализации отчаяния объясняется ростом влияния технического мира и, как следствие, увеличения доли объективного времени в темпоральной экзистенции современного человека. Выработав привычку ориентироваться на его количественные измерения, человек вовлекается в деперсонифицированный мир техники и подчиняется его ритмам. Определяя жизненные ориентиры, объективное время постепенно разрушает человеческую темпоральность, и человек смиряется с потерей гуманизирующих мир нравственных ценностей [2]. Крах надежд на очеловечивание мира в начале XX в. впервые приобрел массовый характер, а трагедии людей не могли оставить равнодушными ни экзистенциалистов, ни имажинистов. Отчаяние стало темой их творчества и образом жизни, определив отношение к самим себе в исторической эпохе. Сегодня изучение опыта темпорализации отчаяния может стать условием предотвращения объективации как дегуманизации человеческой темпоральности.

Целью данной работы является понимание значения экзистенциального опыта темпорализации отчаяния в произведениях экзистенциалистов и имажинистов для коррекции темпоральной экзистенции отчаявшегося человека. Исполнение предлагаемой цели определяют следующие задачи: во-первых, рассмотреть особенности выражения времени в литературном произведении как условия формирования и преобразования темпоральности человека; во-вторых, раскрыть содержание философской категории «отчаяние» и показать его влияние на темпоральную экзистенцию человека; в-третьих, выявить особенности темпоральной лексики поэзии имажинистов, применяемой в темпорализации отчаяния посредством слова-образа; в-четвертых, показать возможности коррекции темпоральной экзистенции отчаявшегося человека на материале экзистенциальной философии и поэзии имажинизма.

Научная новизна работы состоит в проведении сравнительного анализа темпорализации отчаяния в произведениях экзистенциалистов и имажинистов, определении роли слова-образа в коррекции темпоральности отчаявшегося человека, а также в сочетании метафорических и логических средств в достижении поставленной цели и обосновании полученных результатов.

Методология и источники. В процессе изучения проблемы темпорализации отчаяния был применен герменевтический метод к интерпретациям категории «отчаяние» в философских текстах и выявлены различия. Проведение концептуального анализа понятия «слово-образ» позволило выявить особенности темпорализации отчаяния в поэзии имажинизма, а применение метода компонентного анализа языковых единиц с темпоральным значением привело к установлению ее неоднородности в стихах его представителей. Произведен анализ философских текстов по проблеме переживания человеком отчаяния для выявления

наиболее характерных для него черт (С. Кьеркегор, Л. Шестов, Дж. Аруси¹), философских трудов, посвященных вопросам темпорализации переживания в поэтическом произведении (П. Рикёр), и произведений поэтов-имажинистов (В. Шершеневич, С. Есенин, Р. Ивнев).

Результаты и обсуждение. Техногенная эпоха порождает все новые способы подавления гуманистических ориентаций человека, оборачиваясь для него источником личных потерь. Признавая некоторое превосходство техники над собой, он отчаивается и отступает от избранного им курса на очеловечивание мира. Понимая суть мотивирующего его отчаяния, человек вынужден отказаться от самого себя или возвратиться к себе. Примером погружения в многообразное переживание отчаяния стало творчество имажинистов, раскрывающих его суть в процессе темпорализации, чтобы читатель ощутил его как содержание своей темпоральной экзистенции. Воплощение отчаяния в поэтическом произведении отличается от его осуществления в действительности через поступок [3] тем, что оно разворачивается не в объективном времени фактов, а в языковом времени текста, представленном «рядом лексико-грамматических единиц с темпоральным значением» [4, с. 9].

В герменевтической концепции П. Рикёра внутреннее время текста или конфигурированное время является одним из трех уровней темпорализации в поэтическом произведении, связующим префигурированное время или временной опыт переживаний автора и рефигурированное время или временной опыт переживаний читателя. Проведение различия между действием вещей и человеческим действием составляет суть префигурированного или хронологического времени повествования о событиях и их участниках. «На этом предпонимании, общем для поэта и читателя, и базируется построение интриги, а с ним и текстуальная и литературная миметичность» [5, с. 79]. Конфигурированное или нехронологическое время рассказа разрушает представление о линейном и дискретном характере повествования, способствует соединению разделенных событий и формирует единую рассказанную историю. В этом П. Рикёр увидел суть времени поэтического произведения, которое «раскрывается слушателю или читателю в способности истории быть прослеживаемой» [5, с. 82] от начала и до конца развития сюжета. В результате актуализации рассказанной истории в интерпретации читателя в его собственной темпоральной экзистенции реализуется рефигурированное время. Природой конфигурированного времени определяются особенности темпорализации переживания в поэтическом произведении, состоящие в разнообразной множественности определяемых текстом временных уровней. В изучении проблемы темпорализации отчаяния в поэзии имажинистов будем исходить из лексических, семантических и грамматических особенностей текстов и покажем, как с их помощью нехронологическое время текста преобразует хронологически ориентированное время жизни отчаявшегося человека.

В философском тексте темпорализация предполагает преобразование чувственного переживания в понятие об отчаянии путем выявления его существенных черт. В этом направлении проходили поиски С. Кьеркегора, Л. Шестова, А. Камю и Дж. Аруси. Описываемое

---

¹ Аруси Дж. – профессор, ст. научный сотрудник библиотеки Хонг Кьеркегора в Колледже Святого Олафа в Нордфиле, штат Миннесота, автор работ «Диалектическое Я: Кьеркегор, Маркс и становление современного субъекта», «Свобода и темпоральность отчаяния», «Этическое обоснование политики: почему Кьеркегор нуждается в Марксе».

в работах С. Кьеркегора отчаяние присутствует в каждом мгновении эстетической экзистенции человека, неспособного совершить выбор в многообразии мира и терпящего потери. Отчаяние переживается человеком как страх перед будущими переменами и недоверие к открывающимися перед ним возможностям. С. Кьеркегор проводил различие между истинным отчаянием, когда человек становится независимым от внешнего мира и обретает себя в свободе, и неистинным отчаянием, когда он привязывается к миру и под его давлением теряет себя. «Конечное отчаяние» [6, с. 697] настигает человека, предпочитающего свое временное существование вечным ценностям и потому теряющего возможность быть самим собой. «Абсолютное отчаяние» [Там же] есть итог отречения от привязанности к конечному миру через самоотдачу ради спасения себя в качестве свободной личности. В этом смысле оно становится условием глубокого духовного преобразования человека «в своей вечной значимости» [6, с. 687] и возвращения ему подлинной темпоральной экзистенции. С. Кьеркегор наметил два направления темпорализации отчаяния: либо, отказываясь подчиниться объективному времени, человек в каждый момент своей экзистенции реализует «абсолютное отчаяние» [6, с. 697], либо, подчиняясь объективному времени, погружается в поток перемен внешнего мира и теряет себя в «конечном отчаянии» [Там же].

Интерпретируя кьеркегоровскую категорию «отчаяние», экзистенциалисты отмечают его негативное значение и связывают с потерей веры [7], утратой надежд [8] и отказом от свободы [9]. Отчаяние, по мнению Л. И. Шестова, является следствием своеволия и отступления от веры в Бога. В результате человек подчиняется уничтожающему его душу ничто, следует необходимости логического мышления и исполняет общепринятые нормы в ущерб своей личности. Пока необходимость и долженствование выступают внешним принуждением, человек верит в возможности, но когда он сам принуждает себя следовать этим принципам, отчаяние окончательно завладевает им. В этот момент человек освобождается от иллюзии обыденности, заканчивающейся там, «где начинается отчаяние, где разум показывает со всей очевидностью, что человек стоит перед невозможным, что все кончено – и навсегда, что всякая дальнейшая борьба бессмысленна» [7, с. 76]. Отчаяние настигает человека, когда у него отняты все возможности: возможное в прошлом не сбылось, возможное в настоящем не сбывается, а возможное в будущем не сбудется никогда. Темпорализация отчаяния представляется Л. И. Шестовым в качестве непрерывного процесса иссякания веры и потери человеком возможности быть самим собой. Если бы он мог восстановить свою веру в Бога, возможности стали бы его спасением от отчаяния. Фразой «Бог значит, что все возможно, что нет ничего невозможного» [7, с. 78] Л. И. Шестов хотел сказать, что не только возможности появляются в жизни человека через веру в Бога, но и вера в Бога зарождается в его душе через открытие возможностей в его темпоральной экзистенции.

Темпорализация отчаяния, по мнению А. Камю, начинается с крушения «недвижимого мира надежд» [8, с. 33] и с каждой потерей продолжается в нарушении целостности темпоральной экзистенции человека. Распадающаяся на фрагменты, она оказывается во власти объективного времени, разделяющего мир на мгновения и растрачивающего смысл как признак человечности. Отчаяние проявляется в момент отказа человека от надежды на обретение смысла в бессмыслице окружающей действительности. С этого мгновения начинается его саморазрушение, которое продолжается в разрушении мира. В осознании безысходно-

сти своего положения у человека остается «приводящая в отчаяние надежда» [8, с. 111] на то, что ценой невыносимых потерь он вернет себе достоинство под натиском бесчеловечного мира.

Выявляя в философии С. Кьеркегора два способа понимания времени (времени изменения сущности и времени изменения существования), Дж. Аруси сравнивает темпоральность отчаяния с темпоральностью свободы. Определяемое необходимостью развитие природы связано с изменением форм воплощения одной и той же сущности явлений, что исключает порождение в ней чего-либо нового. Но вмешательство руководствующегося свободой человека в ее развитие ведет к созданию принципиально новых явлений, воплощаемых в существовании. Однако человек не всегда следует своей свободной воле и выбору новых возможностей в непредсказуемом по своей природе времени (как это характерно для темпоральности свободного человека). Подчиняя свою волю необходимости объективного мира, человек демонстрирует отказ от свободы его творческого преобразования и предпочитает предсказуемое будущее, в котором ничего нельзя изменить. Отказавшись от свободы, человек «вместо того, чтобы воспринимать время как непрерывное рождение нового, в котором осуществляется его свобода и которому он мог бы быть благодарен за удачу, из-за которой он обрел этот мир, он начинает воспринимать время как вечную смерть старого; вместо того, чтобы действовать в будущем, он упускает будущее» [9, с. 228]. В этом и заключается темпоральность отчаявшегося человека, который страдает от неумолимости времени, не понимая, что собственная природа времени не в повторении, а в преобразовании, не в предрешенности, а в непредсказуемости. Темпорализация отчаяния подразумевает согласие человека с необходимостью и цикличностью естественного мира. Попытки его изменить воспринимаются как отказ от прошлого и потеря настоящего в противоположность обретению новых возможностей свободного бытия в будущем.

Анализируя природу отчаяния, экзистенциалисты приходят к выводу о том, что оно порождается последовательностью потерь человеком ценностных ориентиров. В результате этого его темпоральная экзистенция вписывается в детерминируемый объективным временем и потому предсказуемый мир. Темпорализация отчаяния проявляется в навсегда утраченном прошлом, в мгновенно исчезающем настоящем и в будущих переживаниях человека о невозполнимых потерях. В результате он приходит к саморазрушению и разрушает все, что стало частью его темпоральной экзистенции – темпоральные экзистенции близких ему людей. Определяя смысл термина «отчаяние», невозможно исчерпать всю многогранность этого чувства, но, сопереживая автору литературного произведения, можно прочувствовать всю его палитру и глубину. Когда читатель переориентируется с отчаяния как следствия его личных потерь на отчаяние как сюжет стихотворения, то получает возможность взглянуть на него со стороны и изменить собственную темпоральную экзистенцию.

Тема отчаяния является общей для поэтов-имажинистов и передается особым типом словесности – словом-образом. Оно стало «для имажинистов – самоцелью» [10, с. 383] и описывается в концепциях образности поэзии С. Есенина как «образ заставочный», «корабельный образ» и «ангелический образ» [11, с. 392–393] и Р. Ивнева, чей стиль выражается в форме «ошеломляющего образа» [12, с. 440]. Разрушая «словесную мертвенность» [11, с. 393] языка, слово-образ призвано было освободить читателя от опустошающего душу

отчаяния. В комментариях к творчеству имагинистов современные критики отмечают, что «акцент был основан на конструктивных принципах создания новой поэтической образности» [13, с. 89]. Ее особенностью стало применение разных видов метафор и неожиданных ассоциативных сочетаний образов [13], прямых и переносных образов одновременно [14, с. 10]. Обычное слово освобождалось от навязанного ему контекста и смысловых ограничений и превращалось в составную часть слова-образа. «То есть образ соединяет самые далекие чувственные и мыслительные факты в данный момент, в как бы застывшем времени, в целостности, в пространстве» [1, с. 118]. Задаваемое словом-образом восприятие времени определяется одновременностью и мгновенностью, а не хронологической последовательностью сочетаемых в нем образов. Отсюда формируемое им «образное время» [1, с. 121] не отмечено переменами времен, а созвучно неизменной вечности. Следуя этому, имагинисты соотносили временное существование человека с настоящим моментом без прошлого и без будущего, «прошлое для него – предвосхищение будущего» [1, с. 123]. В этом смысле настоящее является постоянным возобновлением прошедшего и не предполагает перемен в будущем. Повторение здесь является условием освобождения человека от власти объективного времени и увековечивания мгновений его бытия.

Связывающее экзистенцию человека с настоящим моментом слово-образ выводит ее из-под власти исчисляемого минутами линейного времени и подводит под внутреннее для него время. Отсюда происходит та антропоморфная образность, которой имагинисты наделяли обычные измерения времени. В стихах В. Шершеневича, С. Есенина и Р. Ивнева она выражается эпитетами «час страшный расставанья» [15, с. 309], «зловещий час сомнения» [15, с. 35], «лется час мой» [16, с. 39], «тайный час» [11, с. 45], «усталый день» [11, с. 27], «милое прошлое» [11, с. 33], «одиноким рассвет» [11, с. 173], «жалкий день» [16, с. 30], «мертвые пустынные года» [16, с. 39]. В произведениях имагинистов темпоральные переживания передаются словами: время, вечность, мгновенье, теперь, недавно, поздно, нынче, век, час, навек, прежде, вечер, снова, сегодня, прошлое, будущее, ритм. Характерное для слова-образа акцентирование на краткости и конкретности момента подчеркивается словами «каждый», «теперь», «нынче», «миг», «сейчас», повторяемость моментов или возврат к прошлому выражаются словами «опять», «снова», «вновь», а непредсказуемость момента передается словами «вдруг», «внезапно», «нежданно», «небрежно». Особенности для каждого поэта-имагиниста сочетания приведенных здесь слов становятся приемом лексического и семантического выражения неповторимого образа времени, представляющегося мерилем отчаяния и надежды в темпоральной экзистенции человека.

В стихах поэтов-имагинистов время выражается последовательностью веков, лет, дней, которая, подобно водной стихии, уносит все за собой. В. Шершеневич писал: «Потому, что только на меня время льет холодный душ, // Ведрами дней меня окачивает впопыхах» [15, с. 227]. Все, что захвачено потоком времени, оказывается в полной его власти, и никому не вырваться из него. Это не случайно, так как для В. Шершеневича время является потоком, увлекающим человека не к жизни, а к смерти: «Время, на жизнь поглядите! Давно она // Песенок просит, а Вы – мертвец» [15, с. 59]. Время символизирует все, что неспешно проходит, кануло в прошлое и умерло вместе со всеми, кого уже нет, и потому «все время бредем с похорон» [15, с. 306]. Безразличное к значимым для человека

мгновениям время ведет к потере веры в торжество жизни над смертью и надежды над отчаянием.

С. Есенин понимал, каким неумолимым может быть время, сравниваемое им также с потоком безвозвратно уходящих в небытие моментов: «Время – мельница с крылом // Опускает за селом // Месяц маятником в рожь // Лить часов незримый дождь» [11, с. 127]. В непрестанном потоке времени сложно не потерять себя и не растратить все, с чем пришел в этот мир. Отчаиваясь, поэт винил время в забвении им близких друзей и в расставании с милыми для него местами. Но Есенин понимал, что все это неизбежно, как и тот час, когда ему самому предстоит выполнить свое предназначение: «Время мое пришло // Не страшен мне лязг кнута» [17, с. 127], и от этого нельзя отказаться, так как никто другой не может этого свершить. Однако, чем ближе надвигается роковой момент, тем больше надежды возлагает поэт на то, что все еще переменится.

Мысль о разрушительной силе времени высказывал и Р. Ивнев: «И гильотина времени вдали // Нас ожидает, час казня за часом» [16, с. 33]. Время представляется ему не в качестве потока безразличных к нему моментов, а как череда мгновений, переходящих от бытия к небытию и исчезающих в нем. Оглядываясь назад, поэт не только сожалел об утраченном, но и испытывал надежду на возобновление того, что было когда-то ему дорого: «Жизнь пройдена. И все же вновь и вновь // Хочу идти тропинкою знакомой, // Вновь воскресить убитую любовь // И вновь томиться утренней истомой» [16, с. 63]. Р. Ивнев понимал, что отчаяние не длится вечно и ему на смену приходит надежда на лучшие дни. В любом случае, «идет ли время к осени ль, к весне» [16, с. 66], вечные истины и нетленные ценности остаются с человеком навсегда и придают смысл его временному существованию. «Пусть ночь без надежд отвечает мне тенью // И грудь каменеет во мгле без дыханья, // Верни мне осколок потухшего времени // И глаз невозвратных земное сияние» [Там же]. Глубина отчаяния не исключает надежд на перемены к лучшему несмотря на почти пройденный человеком жизненный путь. Анализируя категорию времени в поэзии имажинистов, мы прослеживаем темпорализацию отчаяния в том, что человек поглощается им, ищет выход из него и находит утешение в надежде на счастливый поворот в его судьбе. Более точное понимание этого процесса возможно при изучении влияния модусов времени на темпоральную экзистенцию человека.

С. Есенин побуждал читателя, переживающего настоящее мгновение, ощутить в нем красоту и возвыситься над суетностью уходящего времени. Словами «теперь», «опять», «снова», «сегодня», «нынче» поэт подчеркивал быстротечность настоящего, кроме которого у нас ничего нет. Настоящее есть мгновение переоценки всего случившегося до него и точка отсчета того, что неизбежно произойдет: «Да! Теперь решено. Без возврата // Я покинул родные поля» [11, с. 166]. В поэзии В. Шершеневича выражающееся словом «теперь» настоящее означает предел и итог тому, что было прежде. Как правило, итог печальный и необратимый: «Ничего. Жернов сердца все перемелет, // Если сердце из камня теперь» [15, с. 306]. Настоящее отделяет человека от прошлого, но не приближает к будущему. Для передачи переживания настоящего Р. Ивнев применял слова «теперь», «сегодня», «ныне», «пока». Настоящее есть не только предел прошлому или момент переоценки предстоящего будущего, но оно является его полной противоположностью: «Еще недавно – камни, пыль

и зной. // Теперь прохлада ключевой воды» [16, с. 27] или «Теперь я – против, а Вы – за» [16, с. 29]. Настоящее, передаваемое словом «сейчас», многогранно, так как, ставя акцент на мгновении, Р. Ивнев связывал его с разными темпоральными переживаниями. Это – «звездный час» [16, с. 71] поэзии ради единственного дорогого человека, «скорбный час» разлуки с ним [16, с. 59], «час этот праздничный» воспоминания о лучших днях с ним [16, с. 69], «час рожденья и смерти начертанный час» [16, с. 70] и «странные часы – часы любви, волненья и тревоги» [16, с. 106], также обращенные к нему. Если словом «теперь» преодолеваются невзгоды прошлого, то словом «пока» на мгновение или навсегда предотвращаются будущие несчастья.

С. Есенин тосковал о прошлом, вспоминая проведенные в родной деревне беззаботные и счастливые дни, и понимал, что уже ничего не вернуть. Ощущение безвозвратности передается с помощью контраста, на котором построено описание перемен мира, который никогда не будет прежним. Применяя глаголы прошедшего времени, поэт помогает нам понять, что все подвержено переменам и прошлое не повторится [18]. В. Шершеневич не только грустил по безвозвратности прошлого словами «И прошлое теряю, как листву» [15, с. 44]. С потерей прошлого поэт прощался и с самим собой в прошлом: «Вывалился из прошлого просто, как пьяный седок» [15, с. 257]. Он понимал, что невозможно вернуть прежнего себя, ибо и этот образ потерялся бы в лабиринтах памяти. Р. Ивнев упоминал о прошлом как о сне, который исчез, и в него уже нельзя вернуться, но и не нужно «звать с упоеньем того, что прошло» [16, с. 56]. Призрачность прошлого рождает сомнение в том, что все прошедшее когда-то случилось, и потому поэт писал, что «был ли я на свете, или не был» [16, с. 72]. Прошлые чувства не возвращаются, но можно с той же силой их пережить в настоящем или будущем, заставляя время хоть на миг повернуть назад.

Будущее казалось С. Есенину несбыточной мечтой, на воплощение которой он все же робко надеялся, но сомневался в ее реальном осуществлении. Надежды и иллюзии в духе эстетической темпоральности [3] поэт выражал словами: «Говорят, что я скоро стану // Знаменитый русский поэт» [11, с. 108]. Отдаленность и неясность будущего рождали в его душе грусть и ощущение надвигающейся трагедии, которая разрушит все надежды и мечты. «Кто я? Что я? Только лишь мечтатель, // Перстень счастья ищущий во мгле» [11, с. 271]. Самая большая трагедия человека, по мнению В. Шершеневича, заключалась в том, «что к будущему нет возврата» [15, с. 188]. Отрицание будущего влечет за собой не только исчезновение иллюзий, но и крах надежд. Р. Ивнев обращался к будущему как к предвестнику лучшей жизни: «новый день – великий и прекрасный» [16, с. 28], но день также горечи и потери. Будущее не было бы таким, если бы не хранило того, что было прежде, и если бы невозможно было «пронести и в будущие дни прошедших дней истлевшие страницы» [16, с. 110]. Р. Ивнев надеялся на понимание потомками своего творчества в будущем, но осознавал недостижимость этого будущего для себя.

Ориентирование человека на фатальный исход любого временного бытия стало ключевым мотивом темпорализации отчаяния в поэзии имажинистов. В. Шершеневич относился к счастью, творчеству, городу и жизненным противоречиям как к преходящим явлениям, подчиненным независимой от человека судьбе, итог которой хорошо известен. «Судьба огрызнулась. Подол ее выпачкан // Твоим криком предсмертным... О ком?» [15, с. 209]. Все

испытываемые человеком надежды рушатся перед неизбежностью смертельного конца его временного существования.

Сердце С. Есенина принадлежало природе, деревне, родине, братьям меньшим и любимой женщине – всему, что не длится вечно, и будущее казалось ему предсказуемым и фатальным: «Устал я жить в родном краю // В тоске по гречневым просторам, // Покину хижину мою, // Уйду бродягою и вором // [...] И необмытого меня // Под лай собачий похоронят» [11, с. 85]. В стихах поэта нашли выражение тоска, трагедия, несчастье и безысходность – переживания, характерные для отчаявшегося человека. Метания поэта из крайности в крайность явились следствием понимания того, что все дорогое людям обесценивается и они теряют смысл жизни. Поэзия Р. Ивнева, напротив, проникнута стремлением идти наперекор судьбе, невзирая на прожитые годы любить и каждым мгновением своей жизни подтверждать, что все в ней имеет смысл. «И как зеницу, берегите мост, // Ведущий от отчаяния к надежде» [16, с. 94]. Отчаяние может иногда настигать человека, но оно не завладевает им полностью пока он спасается от порабощения объективным временем.

Останавливая поток времени, слово-образ позволяет читателю ощутить значение настоящего момента в плане вневременного бытия вечности, чтобы изменить его отношение к потерям во временном существовании. Роль настоящего момента в отношении к будущему и к прошлому поэты-имажинисты раскрывают по-новому в интерпретациях модусов времени. Если в поэзии В. Шершеневича настоящее есть предел, разрывающий связь между прошлым и будущим, то в стихах С. Есенина настоящее связывает прошлое и будущее так, чтобы исключить допущенные в прошлом потери из будущего и увидеть открывающиеся в нем возможности. Р. Ивнев противопоставлял прошлому настоящее как условие признания его ценности и повторения ранее пережитого по-новому. В результате отчаяние выхватывается из контекста объективного времени и, входя в план субъективного времени, утрачивает свое тотальное воздействие на жизнь человека. Придание антропоморфного смысла применяемым в стихотворениях словам (нонче) и словосочетаниям (усталый день, тайный час) для обозначения времени переориентируют читателя с измерений объективного времени на измерения субъективного времени. В объективном времени день, час или минута не могут быть ни счастливыми, ни несчастными, они становятся таковыми по воле человека и образуют его субъективное время. Интерпретируя категории «время», «настоящее», «прошлое», «будущее», поэты пытались изменить отношение человека к рождающему чувство отчаяния объективному времени. Если у В. Шершеневича время является неизбежным условием потерь и смерти, то для С. Есенина время – не только причина потерь, но и условие становления человека самим собой благодаря надежде на победу жизни над смертью. А в поэзии Р. Ивнева, хотя время и разрушает жизнь человека, но оно же вселяет в него надежду на перемены, освобождающие его от отчаяния. Таким образом, на примере поэзии имажинистов мы видим, как в ходе темпорализации переживание отчаяния раскрывается в новых значениях и как поэты переориентируют темпоральную экзистенцию отчаявшегося человека.

Заключение. Проведя анализ философских интерпретаций термина «отчаяние» экзистенциалистов и поэтических образов переживания отчаяния имажинистов, можно сделать следующие выводы. Во-первых, философы-экзистенциалисты связывают отчаяние с утратой человеком моральных ценностей, а поэты-имажинисты рассматривают отчаяние в качестве

начала поиска этих ценностей. Во-вторых, если философы раскрывают смысл переориентации экзистенциальных установок обнадеженного человека на отчаяние, то поэты пытаются изменить жизненные ориентиры отчаявшегося человека. В-третьих, экзистенциалисты видят причину отчаяния в потерях как результате полного вовлечения человека в объективное время и обезчеловечивание его экзистенции, имажинисты же описывают отчаяние как одно из многих переживаний, принадлежащих субъективному времени и не представляющих угрозы человечности. В-четвертых, философы представляют темпорализацию отчаяния посредством перехода от вписанного в хронологическое время переживания к формируемому в рамках нехронологического времени текста понятию, а поэты выражают смысл отчаяния посредством слова-образа, возвышающего это переживание над хронологическим временем. В-пятых, согласно экзистенциалистам, отчаянием открывается последовательность потерь человека в прошлом, настоящем и будущем, а, по мнению поэтов, ограничение отчаяния моментом настоящего времени ведет к пониманию его вневременного смысла, изменению экзистенциальных установок и обретению человеком своей темпоральной экзистенции.

В потоке объективного времени нет особых моментов, и потому рождается неверное представление о том, что в человеческом существовании все равнозначно. Однако в жизни людей время несчастий сменяется временами благополучия, минуты огорчений – мгновениями радости, а потому нельзя утверждать об однородности их темпоральности. Приверженность к настоящему моменту не влечет за собой забвения прошлого или непринятия будущего, но является началом нового этапа в жизни человека. Возвышая краткий миг над временем и понимая его роль в воплощении вечных ценностей, имажинисты освобождали мгновения человеческой темпоральности от гнета объективного времени. Темпорализация отчаяния в философии экзистенциалистов ведет к переосмыслению прежних экзистенциальных установок человека на растрачивание себя в объективном времени, а в поэзии имажинистов приводит к переориентации на ценности его истинной темпоральной экзистенции.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Русская литература XX века: школы, направления, методы творческой работы / под ред. С. И. Тиминой. СПб.: Logos; М.: Высшая школа, 2002.
2. Serdyuk E. G. The meaningful sphere of personality and the level of anxiety // Freedom and Responsibility in Pivotal Times. 2022. Vol. 125. European Proceedings of Social and Behavioural Sciences. P. 349–357. DOI: 10.15405/epsbs.2022.03.42.
3. Bouton C. Time and freedom. Evanston: Northwestern Univ. Press, 2014.
4. Ласица Л. А. Внутреннее время текста: лексико-грамматические и онтологические модели: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Оренбург. гос. ун-т. Челябинск, 2008.
5. Рикёр П. Время и рассказ. Т. 1. Интрига и исторический рассказ / пер. с франц. Т. В. Славко. СПб.: Университетская книга, 1998.
6. Кьеркегор С. Или-или. Фрагмент из жизни: в 2 ч. / пер. с дат. Н. Исаевой и С. Исаева. СПб.: Амфора, 2011.
7. Шестов Л. И. Кьеркегард и экзистенциальная философия (глас вопиющего в пустыне). М.: Прогресс-Гнозис, 1992.
8. Камю А. Бунтующий человек. Философия. Политика. Искусство / пер. с франц. М.: Политиздат, 1990.

9. Aroosi J. Freedom and the temporality of despair // *Kierkegaard Studies Yearbook*. 2014. Vol. 19 (1). P. 217–229. DOI: 10.1515/kierke-2014-0110.
10. Шершеневич В. Стихотворения. Поэмы. Теоретические работы. Ярославль: Верхнее Волжское книжное издательство, 1997.
11. Есенин С. А. Стихотворения. Поэмы. М.: Астрель, 2003.
12. Исаев Г. Г. Авторские стратегии в сборнике стихов Рюрика Ивнева «Солнце во гробе» // *Вестн. РУДН. Сер. Литературоведение. Журналистика*. 2017. Т. 22, № 3. С. 433–442. DOI: 10.22363/2312-9220-2017-22-3-433-442.
13. Бандурина Н. С., Шукуров Д. Л. Имажинизм в России: историко-философский аспект // *Известия вузов. Сер. Гуманитарные науки*. 2012. Т. 3, № 2. С. 88–91.
14. Поэты Серебряного века: каталог книжной выставки / под ред. Т. А. Клеменковой. Иркутск: НТБ ИргТУ, 2010.
15. Шершеневич В. Стихотворения и поэмы. СПб.: Академический проект, 2000.
16. Ивнев Р. Избранное. М.: Правда, 1988.
17. Есенин С. А. Стихотворения. Поэмы. М.: АСТ, 2005.
18. Серова Н. В., Алексеенко В. В. Выражение эстетической темпоральности человека в поэзии Сергея Есенина // *Традиции и инновации в пространстве современной культуры: материалы IV Всерос. науч.-практ. конф., Липецк, 14–15 апр. 2022 г.* Липецк: ЛГПУ, 2022. С. 60–64.

Информация об авторе.

Серова Наталья Викторовна – кандидат философских наук (2003), доцент (2010), доцент кафедры гуманитарных дисциплин Государственного морского университета имени адмирала Ф. Ф. Ушакова, пр. Ленина, д. 93, Краснодарский край, г. Новороссийск, 353918, Россия. Автор 57 научных публикаций. Сфера научных интересов: философская антропология, философия техники, философия языка, феноменология, экзистенциализм.

О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.
Поступила 10.11.2022; принята после рецензирования 25.12.2022; опубликована онлайн 24.04.2023.

REFERENCES

1. *Russkaya literatura XX veka: shkoly, napravleniya, metody tvorcheskoi raboty* [Russian literature of the XX century: Schools, directions, methods of creative work] (2002), in Timina, S.I. (ed.), Logos; Vysshaya shkola, SPb.; Moscow, RUS.
2. Serdyuk, E.G. (2022), "The meaningful sphere of personality and the level of anxiety", *Freedom and Responsibility in Pivotal Times*, vol. 125, *European Proceedings of Social and Behavioural Sciences*, pp. 349–357. DOI: 10.15405/epsbs.2022.03.42.
3. Bouton, C. (2014), *Time and freedom*, Northwestern Univ. Press, Evanston, USA.
4. Lasitsa, L.A. (2008), "Internal time of the text: lexical-grammatical and ontological models", Abstract of Can. Sci. (Philology) dissertation, Orenburg. gos. un-t, Cheljabinsk, RUS.
5. Ricoeur, P. (1998), *Temps et Recit*, Transl. by Slavko, T.V., Universitetskaya kniga, SPb., RUS.
6. Kierkegaard, S. (2011), *Enten – ellen*, Transl. by Isaeva, N. and Isaev, S., Amfora, SPb., RUS.
7. Shestov, L.I. (1992), *Kerkegard i ekzistentsial'naya filosofiya (glas vopiyushchego v pustyne)* [Kierkegaard and Existential Philosophy (The Voice of One Crying in the Desert)], Progress-Gnoziz, Moscow, RUS.
8. Camus, A. (1990), *L'Homme révolté*, Transl., Politizdat, Moscow, RUS.
9. Aroosi, J. (2014), "Freedom and the temporality of despair", *Kierkegaard Studies Yearbook*, vol. 19 (1), pp. 217–229. DOI: 10.1515/kierke-2014-0110.
10. Shershenovich, V. (1997), *Stikhotvoreniya. Poemy. Teoreticheskie raboty* [Verses. Poems. Theoretical works], Volzhskoe knizhnoe izdatel'stvo, Yaroslavl', RUS.

11. Esenin, S.A. (2003), *Stikhotvoreniya. Poemy* [Verses. Poems], Astrel', Moscow, RUS.
12. Isaev, G.G. (2017), "Author Strategies in Ryurik Ivnev's "The Sun in the Coffin". Book of Poems", *RUDN J. of Studies in Literature and Journalism*, vol. 22, no. 3, pp. 433–442. DOI: 10.22363/2312-9220-2017-22-3-433-442.
13. Bandurina, N.S. and Shukurov, D.L., (2012), "Imaginism in Russia: Historical and Philosophical aspect", *Izvestia Vyssih Uchebnyh Zavedenij. Seria "Gumanitarnye nauki"*, vol. 3, no. 2, pp. 88–91.
14. *Poety Serebryanogo veka: katalog knizhnoi vystavki* [Poets of the Silver Age: book exhibition catalog] (2010), in Klemenkova, T.A. (ed.), NTB IrGTU, Irkutsk, RUS.
15. Shershenevich, V. (2000), *Stikhotvoreniya i poemy* [Verses and poems], Akademicheskij proekt, SPb., RUS.
16. Ivnev, R. (1988), *Izbrannoe* [Selected works], Pravda, Moscow, USSR.
17. Esenin, S.A. (2005), *Stikhotvoreniya. Poemy* [Verses. Poems], AST, Moscow, RUS.
18. Serova, N.V. and Alekseenko, V.V. (2022), "The expression of the aesthetic temporality of man in the poetry of Sergei Yesenin", *Traditsii i innovatsii v prostranstve sovremennoi kul'tury* [Traditions and innovations in the space of modern culture], Lipetsk, RUS, April 14–15 2022, pp. 60–64.

Information about the author.

Natalya V. Serova – Can. Sci. (Philosophy, 2003), Docent (2010), Associate Professor at the Department of Humanities, Admiral Ushakov Maritime State University, 93 Lenina avn., Krasnodar Territory, Novorossiysk 353918, Russia. The author of 57 scientific publications. Area of expertise: philosophical anthropology, philosophy of technology, philosophy of language, phenomenology, existentialism.

*No conflicts of interest related to this publication were reported.
Received 10.11.2022; adopted after review 25.12.2022; published online 24.04.2023.*